

Исторія одного путешествія

(Отрывки изъ романа) *)

Подобно тому, какъ всякое напряженіе должно рано или поздно найти **себѣ** выходъ, какъ **нагрѣваемая** вода взрываетъ тяжелыя **стальныя стѣнки** котла, какъ ломается ледъ на **рѣкѣ** со **страшнымъ** пушечнымъ шумомъ, — подобно этому **всякій періодъ** **человѣческой** жизни, состоянній изъ постоянно накапливаемаго отчаянїя, **бессилїя** что-то **сдѣлать**, тоски и **задыхающагося**, безнадежнаго ожиданїя **невозможныхъ** вещей, долженъ кончиться либо смертїю и тишиной, либо **катастрофой**. Такъ думалъ Артуръ въ **последнее время**. Въ **теченіе** двухъ **лѣтъ** онъ не зналъ ни одного дня душевнаго **спокойствїя**. Онъ метался изъ **сторона** + **сторону**: **ѣздилъ** въ **Англію**, занимался боксомъ, **погружался** въ книги, проводилъ **цѣлые** дни въ **водѣ**, тренируясь въ **плаванїи**, и все не могъ забыть. Однажды, шагая **безцѣльно** по **улицѣ**, онъ **встрѣтилъ** **Одеттъ**. — Здравствуйте, Артуръ, — **сказала** она своимъ обычнымъ голосомъ, которымъ разговаривала почти со **всеми** мужчинами, такъ что со стороны можно было **подумать**, по этому звуку ея голоса, что ее съ Артуромъ соединяетъ долгая любовь и множество одинаково понятыхъ **чувствъ**, — почему васъ **нигдѣ** не видно? Куда вы идете?

— Никуда, собственно.

Она держала въ рукахъ **какіе-то** свертки. — Помогите **мнѣ** это нести и идемъ ко **мнѣ** **обѣдать**, **voulez-vous?** — Я боюсь васъ **стѣснить**. — Ne dites pas de **bêtises**, venez. Будетъ еще два **человѣка**.

*) См. „Совр. Зап.“, кн. 56 и 58.

Артуръ послушно взялъ ея пакеты и пошелъ. Въ ея **квартирѣ**, — квартира была особенна **тѣмъ**, что **всякій**, кто туда **входилъ**, тотчасъ же испытывалъ **желаніе** лечь, почему, этого никакъ нельзя было объяснить, но это было именно такъ; и хотя тамъ были кресла и стулья, но они носили явно второстепенный характеръ и главными предметами казались именно диваны, — онъ засталъ одного молодого композитора, съ которымъ **былъ** давно знакомъ, **застѣнчиваго, краснѣющаго** и очень талантливаго **человѣка** и еще одного «субъекта», какъ внутренне назвалъ его Артуръ. Субъектъ былъ отлично **одѣтъ**, носилъ **маленькіе** черные усики; глаза у него были миндалевидные и **сладкіе**, волосы черные, какъ черный лакъ, **такіе же блестящіе** и подбритые по **бокамъ** головы, чтобы лобъ казался больше. Во время **обѣда** онъ рассказывалъ на **французскомъ языкѣ** — онъ былъ **австріецъ** — о своихъ **«приключеніяхъ»** въ большихъ гостиницахъ разныхъ городовъ, на курортахъ, на **морѣ**, вообще **вездѣ**. На **лицѣ** композитора **послѣ** перваго же его рассказа установилось **выраженіе** смертельной скуки, такъ и не сходившее до конца. Артуръ почти не слушалъ его, поглощенный собственными мыслями. Одна Одеттъ живо интересовалась **всѣми** подробностями и **вмѣстѣ** съ рассказчикомъ переживала, казалось, **всѣ** эти **приключенія**.

— Да, — говорилъ этотъ **человѣкъ**, онъ былъ докторъ, **фамилія** его была Штукъ, — но самая **замѣчательная** женщина, которую я зналъ, была **вѣнка**, ее звали **Викторія**. **Викторія** Тиле.

Артуру показалось, что все поплыло въ его глазахъ, ему сразу стало **необычайно** душно, лицо его мгновенно **поблѣднѣло**. Но онъ **сидѣлъ** въ **тѣни** и такъ какъ онъ не **сдѣлалъ** ни одного **движенія**, то никто ничего не **замѣтилъ**.

— Она была, къ **сожалѣнію**, просто женщиной легкаго **поведенія**, — продолжалъ докторъ. Слова его доносились **заглушенными** до Артура. Безсознательно напрягая **всѣ** мускулы своего **тѣла**, **сдѣлавъ** надъ собой страшное **усиліе**,

чтобы сдержаться, Артуръ самъ съ **удивленіемъ** услышалъ собственный **възливый** голосъ, **просившій** доктора продолжать свой **интересный** разсказъ.

— **...Очень**, очень сентиментальна... Какой-то романъ съ молодымъ англичаниномъ, студентомъ, о которомъ она разсказывала въ самыя, вы понимаете, **неожиданныя** и **неподходящія** минуты, — потъ катился по **измѣнившемуся** лицу Артура, — котораго она, понимаете-ли, любила больше всего въ жизни, но отъ котораго ушла, **такъ** какъ считала себя недостойной стать его женой. Англичанинъ былъ, повидимому, **глуповатъ**, насколько я **сумѣлъ** составить **себѣ** о немъ **представленіе**. Со мной она **хотѣла** остаться, въ данномъ **случаѣ**, — докторъ **засмѣялся**, — она не считала себя недостойной. И я долженъ былъ указать ей на ея истинное **положеніе** и на то, что я не могу позволить себе **роскоши** — ~~я~~ **понимаете**, я женатъ, меня знаютъ въ **Вѣнѣ**, и **вдругъ**... Затемъ, когда нужно было разставаться, она попросила у меня денегъ; ей, какъ она сказала, было **нечѣмъ** платить за квартиру. Милая моя, мне-то ужъ не следовало бы разсказывать **такія** вещи, я **вѣдь** не англичанинъ, — съ **удовольствіемъ** повторилъ **Штукъ**. — И я уехалъ. Но она была очень хороша.

Артуръ не **помнилъ**, какъ онъ вышелъ вместе съ молодымъ **композиторомъ** и докторомъ, какъ онъ дошелъ съ ними до **avenue de la Motte-Picquet**, где они **разстались**. Но вспоминая потомъ все, что произошло, онъ съ **удивленіемъ** убеждался, что не сделалъ ни одной ошибки.

Былъ **поздній** часъ, улицы были пусты. Онъ подошелъ къ доктору Штуку, когда тотъ поднимался къ Трокадеро по **avenue du Président Wilson**. Онъ взялъ его за плечо. Докторъ съ **удивленіемъ** обернулся. Артуръ навсегда запомнилъ это испуганное лицо съ маленькими усиками и подбритыми выше висковъ волосами.

— Вы знаете, что вы мерзавецъ? — почему-то по-немецки сказалъ Артуръ. Больше не было произнесено ниче́го. Артуръ не могъ выговорить ни слова и

только сжималъ все **сильнѣе** и **сильнѣе** шею доктора своей рукой въ кожаной, **похрустывающей перчаткѣ**. Неподалеку отчаянно и часто, какъ казалось Артуру, звонилъ колоколь. Докторъ уже пересталъ **хрипѣть**, **тѣло** его обвисло, руки опустились въ **послѣдній** разъ. Артуръ протащилъ его **нѣсколько** шаговъ. **Навстрѣчу** ему, спускаясь по троттуару прошелъ пожилой **рабочій** съ сумкой за **плечомъ**, изъ которой выглядывало горлышко бутылки. **Онъ** тупо и **вмѣстѣ** съ **тѣмъ** боязливо **посмотрѣлъ** на Артура и молча прошелъ мимо, ускоряя шаги. Артуръ бросилъ доктора, **затѣмъ**, подумавъ секунду, вытащилъ изъ его кармановъ бумажникъ съ документами и деньгами, два письма, **нѣсколько квитанцій** и записанныхъ адресовъ, **pochette** и надушенный носовой **платокъ**, потомъ засунулъ руки въ карманы и медленно пошелъ наверхъ. Была неожиданно теплая февральская ночь, мягко **блестѣли звѣзды**. Артуръ дошелъ до дому, не **встрѣтивъ** ни одного **человѣка**. Онъ вошелъ въ кабинетъ, легъ на диванъ и мгновенно **заснулъ**.

Едва за Артуромъ закрылась входная дверь дома, **гдѣ** онъ **жилъ**, на **улицѣ** показался небольшой **полицейскій** автомобиль. **Доѣхавъ** до неподвижно лежащаго **тѣла** доктора, шофферъ замедлилъ ходъ и вопросительно обернулся назадъ; одинъ изъ полицейскихъ пожалъ плечами и автомобиль **поѣхалъ** дальше. Но еще черезъ десять **минуть** двоихъ полицейскихъ на велосипедахъ **заинтересовалъ** **человѣкъ**, зимней ночью **лежащій** на **каменномъ** троттуарѣ. Они подошли къ нему вплотную, одинъ изъ нихъ потрясъ мертвое плечо и еще черезъ **нѣкоторое** время санитарный автомобиль увезъ доктора Штука, **побѣдителя** столькихъ женскихъ сердецъ.

Артуръ прочелъ на **слѣдующій** день въ вечерней газетѣ въ **отдѣлѣ** faits divers о **находкѣ** трупа на avenue du **Président Wilson**, объ **убійствѣ** и невозможности установить личность убитаго. Осмотръ **тѣла**, не **потребовавшій**

даже **вскрытія, показаль,** что смерть **послѣдовала** отъ **удушенія.** Прошелъ еще день, Артуръ ждалъ **появленія** свидетельскаго **показанія** стараго рабочаго, но **показанія** не было. Онъ отправился въ моргъ и **увидѣлъ** голое тело доктора, — ошибки быть не могло. Онъ вышелъ оттуда съ некоторой тяжестью ниже груди и легкой головной болью. Документы, бумажникъ и письма доктора — среди нихъ оказался конвертъ съ адресомъ **Викторіи** — давно были сожжены въ камине при помощи сильнаго **пламени** паяльной лампы, которую Артуръ купилъ на **следующій** день въ большомъ **магазинѣ** на rue de **Rivoli.** Убедившись, наконецъ, что единственный свидетель того, какъ онъ тащилъ **тѣло** доктора, молчитъ, не желая, повидимому, ни **осложненій,** ни допросовъ, ни **фотографій** въ газетахъ, — старому рабочему было совершенно все равно, кто и почему убитъ, — Артуръ понялъ, что это **преступленіе** останется нераскрытымъ, какъ тысячи **другихъ.** Онъ былъ у Одэттъ и спросилъ ее о докторе, — она **отвѣтила,** что докторъ долженъ былъ на **слѣдующій** день уехать въ Вену и почему-то не зашелъ попрощаться; впрочемъ, она была уверена, что онъ просто не успелъ этого сделать. Тотъ фактъ, что несколько дней тому назадъ на avenue du **Président Wilson** было найдено тело задушеннаго человека, остался ей неизвестнымъ, — она не читала газетъ; впрочемъ, даже если бы она прочла **объ** этомъ, она все же была бы чрезвычайно далека отъ **предположенія** о томъ, что задушенъ былъ именно докторъ Штукъ, а не кто-нибудь другой изъ четырехъ миллионовъ жителей Парижа.

Такъ кончилась жизнь доктора Штука и точно такъ же, какъ Одэттъ, никому другому то **же** не пришло бы въ голову искать въ очередномъ трупе парижскаго морга, перенесенномъ потомъ въ **анатомическій** театръ, доктора, милаго Макса, который такъ хорошо шутилъ, такъ легко относился ко всему и у котораго было такое **великодушное** и любвеобильное сердце. Докторъ Штукъ, **Максъ**

Штукъ, австрійскій подданный, врачъ по женскимъ болѣзнямъ, принимавшій ежедневно отъ двухъ до шести. уѣхалъ однажды вечеромъ съ Westbahnhof; поѣздъ, увезшій его, много разъ возвращался и снова уходилъ съ того же Westbahnhof, но никогда больше изъ-за стекла сянго вагона «Compagnie internationale des wagons-lits et grands express européens» не показалась улыбающаяся физиономія Макса съ маленькими усиками и выбритыми висками. И только черезъ мѣсяць послѣ его отъѣзда широкоплечій, очень хорошо одѣтый мужчина, проходя мимо его дома, остановился на секунду передъ мѣдной дочечкой «М. Штукъ, докторъ по женскимъ болѣзнямъ. Приѣмъ сжедневно, кромѣ воскресенья, отъ двухъ до шести», глаза его приняли сумрачно-насмѣшливое выраженіе и онъ пошелъ дальше большими, размашистыми шагами; и онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, точно знавшимъ, почему докторъ Штукъ не приметъ больше ни одной пациентки, ни отъ двухъ до шести, ни въ какое бы то ни было другое время.

Бываютъ особенные дни въ Европѣ, чаще всего въ началѣ холодной весны, подъ дождемъ. Съ утра онъ струится сверху внизъ, стекаетъ небесной водой съ подбородковъ каменныхъ героевъ, безмолвныхъ и неподвижныхъ путешественниковъ сквозь долгіе годы войнъ, возстаній, задыхающагося мирнаго быта еще сытыхъ городовъ, онъ тихонько шумитъ и капаетъ, онъ течетъ въ тысячѣ различныхъ направленій, потомъ съ наступленіемъ мутнаго европейскаго вечера, затянутаго туманнымъ и сумрачнымъ небомъ, онъ темно сверкаетъ въ свѣтѣ фонарей; и въ стихающемъ къ ночи движеніи городовъ, людей, автомобилей, онъ звучитъ особенно грустно и неповторимо — все съ той же непередаваемой влажной печалью. Въ такіе вечера города грустны, музыка, внутренняя музыка жизни безмолвна, каждый фонарь похожъ на маякъ внезапно

возникшаго и **безпредѣльнаго черно-синяго** моря съ каменнымъ тяжелымъ дномъ; и издалека въ немъ движутся, расплываясь сквозь **туманъ** и дождь, чудовищныя, мутныя фигуры прохожихъ; и ночью уже, въ **глубокіе** часы медленно-медленно приближающагося утра, начинается казаться, что тысячи летъ тяжело и влажно **проплываютъ** мимо окна и что никогда не кончится, — какъ никогда не прекращалась, — эта **безконечная** ночь, пронизанная **милліардами** сверкающихъ и **холодныхъ** капель.

Именно въ такую мартовскую ночь, ухватившись руками за бархатныя **занавѣски**, занявъ своей громадной фигурой весь темный **просвѣтъ**, Артуръ гляделъ сквозь струящееся окно **вѣнской** гостиницы внизъ, на мостовую, **гдѣ** вскакивали **бѣлые** пузыри отъ дождя. На **слѣдующее** утро онъ долженъ былъ **увидѣть** **Викторію**. Онъ не могъ заснуть, и то принимался ходить по комнате, то приближался къ окну и опять смотрелъ, какъ безконечно идетъ и падаетъ дождь. Было тихо; только **глубокій металлическій** звонъ часовъ черезъ равныя промежутки времени звучалъ, какъ **напоминаніе**, и умолкалъ, и тишина снова клубилась въ комнате. — Максъ Штукъ, докторъ по **женскимъ** болезнямъ, — опять подумалъ Артуръ, и снова лицо съ усиками и висками мелькнуло и исчезло. Да, съ первой же минуты, когда докторъ сказалъ — ее звали **Викторія** Тиле — Артуръ зналъ, что онъ убьетъ его. Онъ **вспомнилъ, какъ** сразу отяжелели его руки, какъ пересохло горло и какъ съ самаго начала все было известно. **Точно въ бреду** поплыли тогда навстречу улицы, дома, **троттуары**, **такіе** незнакомые и **чужіе**, — хотя онъ хорошо зналъ, зналъ до послѣдняго камня "эту часть Парижа. И **приближеніе** къ доктору, тамъ, на avenue du **Président Wilson**; **разстояніе** между ними съ каждой секундой уменьшалось вплоть до, наконецъ, наступившаго **мгновенія**, когда рука Артура легла на плечо доктора. Въ ту минуту — Артуръ твердо это помнилъ — онъ не думалъ ни о **Викторіи**, ни о своей любви; онъ забылъ о нихъ, точно ихъ нико-

гда не существовало, и если бы между нимъ и докторомъ вдругъ появилась бы фигура **Викторіи**, это ничего не **измѣ**нило бы и не остановило бы Артура. И испуганное лицо стараго рабочаго, его одежда и сумка съ жалко высывающимся горлышкомъ бутылки и сухой, непрерывный звукъ ногъ доктора, **которыя** влачились по троттуару, — все это Артуръ **видѣлъ** сейчасъ точно со стороны. Какъ, вг силу какого расчета въ то время, какъ въ его голове не было, казалось, ни одной мысли, онъ спокойно **опу**стошил карманы доктора, чтобы сделать правдоподобной абсурдную **версію убійства** съ целью **ограбленія** и помешать **полиціи** установить личность **убитаго**? Какъ, почему вообще все это могло произойти? Ни одной **се**кунды Артуръ не жалель доктора, докторъ не заслуживаль лучшей участи, это было безспорно и несомненно. Но все же, откуда появилось это непреодолимое чувство **убійства**, откуда возникло это ошущеніе тяжелеющихъ рукъ и сжимающагося горла и когда онъ зналь уже **не** что похожее?

— **Викторія!** — вдругъ сказалъ Артуръ, глядя восторженными, широко раскрытыми глазами въ окно, точно понявъ и забывъ одновременно, въ одну короткую **секун**ду, все, что произошло.

Онъ подходиль къ ея дому, когда было около девяти часовъ утра. Много времени спустя, онъ **вспомнилъ**, что заходилъ по дороге въ кафе и пиль кофе, что движете на улице было больше обычнаго; несколько человекъ задело его и извинилось, онъ плохо слышалъ ихъ и не сразу понималъ, въ чемъ дело. Наконецъ онъ подошелъ къ дому, въ которомъ жила **Викторія**. Домъ былъ **высокій** и белый съ легкими балконами и большими окнами. Артуръ вошелъ черезъ стеклянную дверь и спросиль очень **ти**химъ голосомъ, где живетъ фрау Тиле. — Второй **этажъ**, налево.

Только второй **этажъ**, Артуръ **думалъ**, что это выше, что надо еще идти **нѣкоторое** время, поднимаясь все выше и выше, пока **наконецъ...** Онъ не могъ себе представить **встрѣчу** съ **Викторіей**, не зналъ, что онъ скажетъ, какъ онъ **посмотритъ** на нее; онъ зналъ только, что теперь уже ничто не могло бы задержать его. Изъ-за двери первой квартиры слышались звуки рояля. Незнакомый **мотивъ** въ одной проскользнувшей ноте былъ похожъ на карусельный вальсъ; и онъ уносилъ съ собой **первый вечеръ** въ **Вѣнѣ** и белое платье Викторш и ея первыя слова. Еще одинъ этажъ, дверь и белая кнопка звонка. Артуръ нажалъ ее и, забывшись, долго не отнималъ пальца, и звонокъ дребезжалъ и катился по проснувшейся квартире. Незнакомое женское лицо выглянуло оттуда, Артуръ **вошелъ**; изъ дальней комнаты въ **освѣщенную** переднюю проходилъ **легкій** и **нѣжный сумракъ** спальни. — Что вамъ угодно? Что вамъ угодно? — **повторялъ** точно въ назойливомъ сне **женскій** голосъ возле Артура. Снизу еще разъ всплеснулъ въ воздухе обрывокъ музыки. Не отвечая, Артуръ сделалъ несколько шаговъ и остановился на пороге комнаты. Со света онъ неясно виделъ **широкій диванъ**, белые потоки проснувшейся и волосы **Викторш**. Онъ не могъ идти дальше. Приподнявшись на локте, она всматривалась едва проснувшимися глазами въ человека, стоявшаго на **порогѣ**. Это продолжалось, **можетъ** быта, одну секунду, потомъ раздался пронзительный, непохожий на звукъ **обычнаго** голоса Викторш, **нечеловѣческій** крикъ: Артуръ! и следующее, **что** онъ увидель, — онъ не зналъ, какъ это вышло, — это были глаза Викторш у его **лица**. Онъ стоялъ, не снявъ пальто, держа на **рукахъ** ея тело.

— Артуръ, Артуръ! — повторяла она, точно ища въ этомъ имени **объясненіе** того, что **сейчасъ** происходило съ ней и что было похоже на то, какъ если бы она летела въ мягкую головокружительную пропасть, стены которой **гудѣли**, какъ колокольная медь. — Артуръ, какъ

я ждала тебя! Артуръ, — голосъ ея **измѣнился** отъ **скользнувшаго** испуга, — пусти меня, я въ **пижамѣ**, это **стыдно**.

Онъ послушно опустилъ ее на полъ, но она уже забыла про пижаму и, положивъ руки на плечи Артура, продолжала говорить:

— Артуръ, я знала, что ты **вернешься**. Ты не могъ не придти, правда, Артуръ? Какъ я ждала тебя!

— **Викторія!** — Это было первое слово, которое онъ произнесъ. Онъ **хотѣлъ сказать**, что теперь уже никогда не уйдетъ отъ нея, что они **уѣдутъ** изъ **Вѣны** и что на **свѣтѣ** существуете самое настоящее счастье, которое дано испытать лишь немногимъ людямъ среди **милліоновъ**, которые... Онъ **хотѣлъ** сказать вообще очень много. Но онъ ничего не говорилъ, и только сжималъ все сильнее и **сильнѣе** ея тело. — Ты задушишь меня, Артуръ, — сказала она съ жалобной улыбкой, трогательной и покорной. — ты забываешь, какъ ты силенъ.

Артуръ **смотрѣлъ** въ ея глаза и молчалъ.

— Ты думалъ обо **мнѣ**, Артуръ? Ты не забывалъ меня? Я все точно носила тебя въ себе, какъ ребенка, ты понимаешь, мой мальчикъ? Это, наверное, смешно, Артуръ, я говорю «мальчикъ» о такомъ **гигантѣ**. какъ ты. Артуръ, я не смела, я не думала: но если бы ты не пришелъ, моя любовь была бы съ тобой повсюду.

Онъ такъ и не нашель словъ, они исчезли, повелительно уносимыя этимъ последнимъ **путешествіемъ**, они были далеки, бледны, и ничего не выражали; и сколько ни глядель Артуръ, не отрываясь, въ глубину этихъ минутъ, онъ не видель ни одного слова, — было только далекое движеніе, точно въ темноте неизвестнаго **міра**, более **безпредѣльнаго**, чемъ все, что онъ зналъ до сихъ поръ и совершенно невыразимаго.

Вокзалъ неузнаваемо изменился, свежо и сильно сверкали **синія** молніи рельсъ, катился **удаляющійся** и возвра-

щающійся грохотъ колесъ, летели птицы вдоль желѣзно-дорожнаго полотна и волосы Викторш — у открытаго окна — улетали вслѣдъ за ними залотымъ, прозрачнымъ облачкомъ; на первой остановкѣ въ поле сладко гудѣли черныя столбы, какъ шмели надъ цвѣтами въ знойный день и Артуръ вспомнилъ, какъ давнымъ давно, еще маленькимъ мальчикомъ, онъ читалъ о песенке земли. Она послушно разстилалась вокругъ, то черная, то зеленая; глубокія реки пролетали подъ грохотомъ мостовъ, сложились красныя черепичныя крыши и, наконецъ, мартовскимъ вечеромъ, холоднымъ и сверкающимъ, поплыли навстрѣчу глазамъ дома улицы La Fayette, огни Opéra и весенніе просторы avenue Kléber.

— Вотъ мы продаемъ автомобили, Володя пишетъ романъ, — говорилъ Николай за обедомъ. — Автомобили продаются, романъ пишется...

— Дальше, дальше, Коля.

— Вирджинія читаетъ книги, Володя пишетъ романъ...

— Волга впадаетъ въ Касшійское море, — сказала Володя.

— Именно. Вотъ ты меня прервалъ и я потерялъ нить мысли. Да, вспомнилъ. Я хотѣлъ сказать, что все наши человѣческія дѣла суть ничто и прахъ и доказательство — это, что послѣ зимы наступаетъ весна...

— А после весны лето, вслѣдъ за которымъ осень.

— Да, и происходитъ это такъ, какъ если бы не было ни романа, ни автомобилей, ни вообще ничего. Медведь выходитъ изъ своей берлоги, змѣя выползаетъ изъ-подъ скалы...

— Ты скажи прямо, въ чемъ дело.

Вирджинія знала, что Николай не произносилъ бы такой рѣчи, если бы за ней не долженъ былъ последовать какой-нибудь планъ или проектъ; и судя по тому, что онъ говорилъ о погоде и весне, следовало предположить,

что онъ задумалъ **куда-нибудь** поехать. Но Николай не уступалъ.

— У римскихъ ораторовъ, какъ это известно всякому бывшему гимназисту, — **Вирджинія** дернула за рукавъ **Володю**, собиравшагося прервать брата, — итакъ, у римскихъ ораторовъ речь была построена такъ: **вступленіе** — разъ, **изложеніе** — два, **заключеніе** — три. Не желая быть голословнымъ, я считаю достаточнымъ сослаться на знаменитую и довольно каверзную въ синтаксическомъ **смыслѣ рѣчь** Цицерона противъ **Катилины**.

— Николай!

Но Николай продолжалъ говорить: въ его **рѣчи** фигурировали и Гракхи, которыхъ онъ вспомнилъ одновременно съ Цицерономъ и соображенія о **шоссейныхъ** дорогахъ и хвалебныя **описанія** природы, — «**понимаете, тихій островъ** въ середине реки, а на острове камыши и въ омуте **лиліи** и шелестъ травы». — Это въ омуте-то у тебя трава шелестить?..

— Где надо, тамъ и шелестить, — невозмутимо сказалъ Николай. Другими словами, Николай предполагалъ въ ближайшее время — это происходило въ конце мая — предложить Артуру принять **участіе** въ автомобильной поездке за городъ, скажемъ, въ окрестности Фонтенбло. **Можно** захватить съ собой купальные костюмы. Было решено, что Володя отправится къ Артуру и **пригласить** его. Володя раскланялся и ушелъ.

За дверью квартиры Артура слышался смехъ и лай, сразу **оборвавшійся** после того, какъ раздался звонокъ. Горничная открыла дверь и въ эту же секунду показался Артуръ.

— А, Володя! Милый другъ, тысячу **лѣтъ** васъ не **видѣлъ**. Здравствуйте. — У него было гибкое и «сильное **рукопожатіе**, которое съ перваго же раза расположило къ нему Володю.

— Что это у васъ тутъ — лай и хохоть?

— Это моя жена съ собакой.

Только тогда Володя вспомнилъ, какъ Николай за столомъ говорилъ, что **встрѣтилъ** Артура съ молодой женщиной въ **бѣломъ** и что она оказалась его **женой**.

— А она красивая? — спросила Вирджшпа.

— **Замѣчательная**, — **сказалъ** Николай, — красавица.

— Брюнетка или блондинка?

Николай задумался. Въ самомъ **дѣлѣ**, брюнетка или блондинка? Онъ решительно не помнилъ этого. Она была маленькая, **«изящная, какъ статуэтка»**, — la **comparaïson est plutôt usee**, — **замѣтилъ** Володя, — да, ужъ ты у насъ известный стилистъ, — съ черными глазами, большими, какъ блюдечки. — Какъ у Андерсеновской собаки? — смеялась **Вирджинія**. — Да, **только** очень красивыми. **Впослѣдствіи Вирджинія** убедилась, что **описание** Николая совершенно не соответствовало действительности, что жена Артура была высокая, а не маленькая и что глаза ея были сине-серые. И хотя она шутила надъ **Николаемъ** и его ненаблюдательностью, но эта резкая неправильность **описанія** доставила ей **удовольствие**; и поймавъ себя на этой мысли, она съ досадой пожала плечами. — Ты такой глупый, Николай, — говорила она ему **вечеромъ**, когда они остались **вдвоемъ**, — ты такой глупый, какъ же ты не виделъ, что она высокая и что **у** нея волосы светлые съ золотымъ отливомъ? А меня ты **могъ** бы описать? Ну, **какіе** у меня глаза? — Не знаю. А **нѣтъ**, знаю.

— **Какіе?**

— Самые **лучше**.

Она поцеловала его и, **подумавъ, прибавила:**

— А Володя не ошибся бы.

— Ну, ведь онъ специалистъ. — Почему? — Онъ писатель.

— Да, такъ на **какой-же** день это **назначено**? — **спрашивалъ** Артуръ. — На следующую пятницу? **Т** спрошу **Викторію**; кстати, представлю васъ. Одну минуту.

Онъ вернулся въ кабинетъ вместе съ **Викторіей**. Володя внимательно на нее посмотрелъ. Первое **впечатлѣніе**,

которое она производила, было — что это неправдоподобно, что это экранное **изображеніе**, а не живая женщина. Блистательная молодость **Викторіи** сразу заставила Володю вспомнить свои **гимназическіе** годы, lady Hamilton, Дину и **долгія романтическія** мечты, целый **міръ** — музыки, женщинъ, медленного разгона синихъ волнъ **далекаго**, воображаемаго **моря**. Это **ощущеніе** съ такой силой охватило Володю, что онъ не сразу **отвѣтилъ** на первый вопросъ Артура, который спрашивалъ, говоритъ ли Володя по-немецки.

— Да, да, конечно. — Володя встряхнулся и заговорилъ по-немецки, чему **Викторія по-дѣтски** обрадовалась. Проектъ пикника она **встрѣтила** съ восторгомъ и **Володѣ** ушель, условившись о томъ, что въ назначенный день въ восемь часовъ утра **Вирджинія**, Николай и онъ будутъ у подъезда Артура. Провожая Володю, Артуръ вдругъ, неожиданно для самого себя, спросилъ его:

— Володя, вы свободны завтра часа въ два дня?

— Конечно.

— Хотите **встрѣтиться**? Я васъ давно не **видѣлъ**, мы **поговоримъ**.

— Хорошо. Въ два часа у метро Трокадеро.

— **Entendu.**

Всѣ эти месяцы Артуръ находился въ **состояніи**, котораго онъ никогда не испытывалъ. Онъ не зналъ, что жизнь **заключаетъ** въ **себѣ** столько радости, что самыя незначительныя вещи, которыя раньше онъ **дѣлалъ** механически, могутъ доставлять столько **удовольствія**, — **всѣ**, вплоть до **хожденія** въ магазины перчатокъ, белья, **матерій**, куда его водила **Викторія**. Ему казалось, что вся его жизнь до этого времени была чудовищно ошибочна и бессмысленна и что только теперь онъ жилъ впервые.

Вечеръ после визита Володи былъ такой же **густой** и счастливый, какъ друпё, неясный и теплый; мягко струился бордюръ обоевъ на **стѣнѣ**; **Викторія** въ **мохнатомъ** беломъ халате, выйдя изъ ванны, сидела на коленяхъ Ар-

тура. — Мы самые счастливые въ **мірѣ**, **Викторія**, правда? Онъ почему-то вспомнилъ, — можетъ быть, по противоположности **ощущенія** тепла съ тогдашнимъ **ощущеніемъ** холода, — **Россію**, позднюю осень, ледяной **вѣтеръ** надъ пустынной мостовой, пулеметную **стрѣльбу**, катившуюся вдоль **стѣнъ**, лохматыхъ, нечищенныхъ лошадей красной **кавалеріи**, **нетопленную** комнату, заплаканное лицо квартирной хозяйки, — какой вы счастливый, что **уѣзжаете** въ **Англію**, только даль бы Богъ **доѣхать** благополучно, — и **высокія** волны Чернаго моря, и дядю, такого же широкаго и громаднаго, какъ онъ самъ, **отчаяннаго**, веселаго и насмешливаго. И **путешествіе** сквозь этотъ незабываемый **россійскій** ледяной вихрь.

.....

Володя вернулся домой после короткой прогулки **вечеромъ**. Николай и **Вирджинія** были въ театре, маленькую девочку давно уложили спать; въ квартире было тихо, только рояль изредка чуть-чуть **позванивалъ**, когда по улице проезжалъ **грузовикъ**. Володя селъ было писать, но ничего не получалось. Онъ несколько разъ **вывелъ** свою **фамилію**, изменяя росчеркъ, — В. Рогачевъ, В. Рогачевъ, В. Рогачевъ, — потомъ вкось написалъ:

«Что день **грядущій** мне **готовить?**»

и задумался. **Легкіе** шаги по корридору **вдругъ** привлекли его **вниманіе**. Онъ поднялся, открылъ дверь и увидель **няню**, молодую девушку, только что вышедшую изъ **ваннсѣль**. Онъ посмотрель на часы: было половина **десятаго**. Въ корридоре было темно; и когда няня поравнялась съ комнатою Володи, онъ заметилъ, что на ней былъ только **легкій** капоть.

— **C'est vous, Germaine?** — сказалъ онъ вдругъ изменившимся голосомъ. Онъ видель ея белое тело у **шеи**, где сходились полы капота, ея руки — рукава **Жермень**

были засучены, — ея ноги безъ чулокъ. — **Qu'est ce que vous faites? — Je rentrais chez moi, monsieur Vladimir.** — Venez **donc** pour un instant, — сказала онъ, не узнавая своего голоса, и понимая, что онъ не можетъ сейчасъ иначе говорить и действовать. Въ глазахъ Жермень появил-ся испугъ и за этимъ испугомъ Володя заметилъ еще что-то, точно это былъ двойной взглядъ. — Можетъ быть, **мнѣ** такъ кажется, — успелъ онъ подумать, — можетъ быть это просто **отраженіе** моего же **желанія**? Губы его высохли, онъ провелъ по нимъ языкомъ: неподвижные глаза Жермень были направлены на него съ **тѣмъ** же двойнымъ **выраженіемъ**. — Mais venez **donc**, n'ayez pas peur, **voilà**. Онъ взялъ ее за руку, выше локтя и — хотя онъ зналъ это раньше и Жермень знала это такъ же, какъ онъ — сейчасъ это стало неминуемо. Онъ поднялъ ее на **руки**. капотъ опустился и **повисъ**, открывъ все ея тело. — Laissez-moi, — сказала Жермень, но по тому, какъ она вздрагивала въ его рукахъ, Володя чувствовалъ, что **ея** слова не имеютъ никакого **значенія** и никакого **отношенія** къ тому, что происходило. — Vous vous déshabillez? — Жермень прошептала это съ **тѣмъ** же невыразительнымъ ужасомъ, съ какимъ она сказала: laissez-moi.

Она ушла въ двенадцать часовъ, за несколько минутъ до того, какъ открылась входная дверь и голосъ Николая сказалъ:

— **Тебе** не хочется есть, Вирджишя? Нетъ? А мне очень хочется.

Володя лежалъ въ темноте, ощупывая свое тело. Кровоподтекъ на шее, — **c'est plutôt idiot**. И зачемъ на **свѣтѣ** существуютъ женщины?

— А у Володи темно, — сказала голосъ **Вирджини**. Голосъ начался за шагъ до двери и замолкъ за дверью. — Неужели онъ спитъ въ это время?

— Онъ настолько ненормалень, что отъ него можно всего ожидать, — ответилъ изъ темноты **голосъ** Николая.

Но Володя не спалъ. Далекое **дѣтство** вспомнилось ему, когда онъ слышалъ, какъ въ столовой **звенѣли вилки**, ножи и тарелки. Такъ въ **давнія**, безвозвратныя времена онъ слышалъ изъ **дѣтской**, какъ мать возвращалась изъ театра, изъ такого чужого и блестящаго **Міра бархатныхъ** ложъ и люстръ, неузнаваемая въ вечернемъ **платьѣ, нарядная** и почти чужая женщина, непохожая на всегдашнюю маму. И чтобы **убѣдиться**, что это все-таки она, онъ звалъ ее, — она входила въ детскую на цыпочкахъ и обнимала его:

— Спи, мой мальчикъ, спи, Володенька.

И тогда онъ чувствовалъ, что она была такая же мягкая и теплая, какъ всегда, только платье обманчиво струилось въ полутьме, — чужое до слезъ, все сделанное изъ ложъ, театра и электричества. — А где они были, въ какомъ театре? — вспоминалъ Володя. — Ахъ, да, въ **Maginny**, тамъ же, где **я** виделъ Артура и его жену. Володя представилъ себе белое платье Викторш и смокингъ **Артура**. — Белое-черное, белое-черное, повторилъ онъ несколько разъ. — Жермень тоже — белое-черное. Какъ все остальное. Обрывки стиховъ вспомнились ему.

Онъ мною былъ любимъ, онъ мне былъ **одолженъ**

И песенъ и любви последнимъ вдохновеньемъ.

— А **путешествіе** все продолжается. «**Rappelez-vous, vieux amis, mes freres, ces anneés?**..» — откуда это. Что же остается? Несколько **соединеній звуковъ**, сумевшихъ что-то удержать, **вспоминанія** о несколькихъ **чувствахъ, выцвѣтающихъ**, какъ фотографш и перспектива дальнейшихъ **странствій**. Хорошо было бы остановиться, — **однажды**, на берегу светлой реки, въ небольшомъ **дсмѣ**: белое **зданіе**, белый песокъ, белые придорожные камни, белое платье, — какъ **развѣвающійся** белый шарфъ матери **Юліана**, который онъ пригвоздилъ дротикомъ къ воротамъ, принявъ его издали за птичыя крылья. И вотъ время заливаетъ все и целая жизнь потомъ, какъ подводное царство, неподвижно стоитъ на дне, какъ эти **морскіе дѣ-**

са, растущіе глубоко подь поверхностью, чуть колышимае незримае **теченіемъ**, точно задумавшіеся разь навсегда, точно пронизаннае слишкомъ позднимъ **пониманіемъ** безвозвратныхъ вещей. — **Пониманіемъ?** — думаль Володя. — Что можно понять? Что все было даромъ? Онъ вспомнилъ разьказъ Артура о его дяде, который **возненавидѣль** женщинь, потому что съ нимъ случилась **обыкновеннѣйшая** вещь — его **невѣста** вышла замужь за другого, не дождавшись его **возвращенія** — онъ **уѣхаль** на **годъ** за границу, писалъ ей пламеннаа письма и вернулся какъ разь во время, чтобы узнать, что на этотъ разь **уѣхала** она въ свадебное **путешествіе**. И мать Артура сказала ему фразу, которой онъ никогда не могъ ей простить:

— Vous voyez, c'est toujours les voyages qui vous perdent.

Это было **зло**.

— Да, но почти невинно. И это не все, — сказалъ Артуръ. И онъ **разсказаль**, что мужь этой женщины вскоре разорился и **пустиль** себе пулю въ лобъ, она осталась безъ **средствъ**, съ двумя маленькими детьми и дяда, этотъ самый дяда, **ненавидѣвшій** всехъ женщинь и ее больше другихъ, посылаль ей ежемесаа деньги. Володя **пожалъ** плечами.

— Действительно, пойдите, разберитесь въ этомъ.

— **Мне** кажетса, все-таки, что я понимаю, — задумчиво сказалъ Артуръ.

— Что же это?

— Я думаю, **уваженіе** къ собственному чувству, неудачному, но все же лучшему, которое онъ зналь.

Это было незадолго до того незабываемаго разговора, когда Артуръ, неизменно **сохранявшій** внешнее **спокойствіе**, но съ лицомъ, унизаннмае многочисленными каплями **пота** отъ **волненія**, которое ничемъ, кроме этого не выражалось, — разсказаль Володе **исторію** доктора Штука. Онъ самъ не понималь, почему онъ это сделалъ; онъ просто не могъ больше молчать обь этомъ, это ду-

шило его. **Оль зчалъ**, конечно, что, рассказывая это **Володе**, онъ **ничѣмъ** не рискуеть. Но и Володя не **понималъ** такъ же, какъ Артуръ, что могло вызвать это необычайное признаше. Теперь Володя вспомнилъ эту **исторію** — и съ **тѣмъ** большимъ **вниманіемъ** **сталъ** думать о ней, что она отвлекала его отъ мысли о Жермень. — Да, Николай **правъ: проблемъ** не существуетъ, есть только чувства. Но Николай не знаетъ, что они такъ же обманны и несущественны, какъ проблемы, что они тоже **вянутъ** и изнашиваются, стареютъ и умираютъ. Можно любить и быть **невѣрнымъ** — вопросъ темперамента и случайности. Можно быть джентельменомъ и никогда не совершить ни одного дурного поступка, **кромѣ** одной **біографической** подробности: однажды ночью, на парижской улице, задушить человека, который не заслуживалъ иной участи. **И вмѣстѣ** съ темъ **Викторія** несколько **мѣсяцевъ** тому **назадъ** принадлежала этому человеку и просила у него денегъ на квартиру, за которую ей нечемъ было платить. Какая чудовищная, какая невероятная вещь! **Нѣтъ**, надо отказаться разъ навсегда отъ **иллюзіи** понять и привести хоть въ какой-нибудь порядокъ все эти несовместимыя и невероятно **соединяющіяся** вещи.

.....
.....

Володя встретилъ Александра Александровича, — после **ихъ** разставашя въ Севастополе, девять летъ тому **назадъ**, — въ Сорбонне, на лекціи, после которой онъ подошелъ къ нему и заговорилъ. Это была лекція профессора по **соціологіи**, которому весь **міръ** представлялся ветвистой сетью соціальныхъ системъ, озаряемыхъ въ **рѣдкія** минуты профессорскаго **вдохновенія** *par le flambeau de la verité*, факеломъ истины. Кто-то вошелъ, открывъ дверь съ десятиминутнымъ **опозданіемъ**, Володя повернулъ голову и увидель Александра Александровича, котораго **не**льзя было не узнать: его продолговатое лицо, **нависшія**

надъ глазами веки, и **легкіе, свѣтлые** волосы, точно **поднятые вѣтромъ**. Онъ **впервые** пришелъ на лекцію по **соціологіи**, — Володя зналъ **всѣхъ** слушателей профессора уже **нѣсколько мѣсяцевъ**. Рядомъ съ нимъ сидела обычно девушка съ тугимъ узломъ черныхъ блестящихъ волосъ, безжалостно скрученныхъ надъ затылкомъ; она была богата и красива, у выхода изъ университета ее ждалъ автомобиль, **увозившій** ее съ волшебнымъ серебрянымъ хрустомъ на ту далекую улицу Парижа, **гдѣ** густо цвели каштановыя деревья, **где** по песочнымъ аллеямъ проезжали всадники, точно **появляющіеся** изъ прошлаго **столѣтія** и смутно **двигавшіеся** въ туманномъ утре двадцатаго века; **где** за закрытыми ставнями громадныхъ оконъ все такъ же медленно струилась давно устаревшая, давно ставшая несвоевременной жизнь последнихъ представителей **исчезнушаго міра**, проводившихъ дни въ тяжелыхъ старинныхъ **библіотекахъ** съ книгами **старыхъ** и умныхъ писателей, которые такъ страшно, такъ непоправимо ошиблись, создавъ навсегда разсыпавшуюся легенду о томъ, какимъ долженъ быть **міръ**. Слушательница профессора неодобрительно смотрела на Володю, когда онъ улыбался въ техъ местахъ, где профессоръ допускалъ **лирическія отступленія** вроде flambeau de la verite или feu sacre de la **Révolution**. **Володе** стоило сделать небольшое **усиліе** памяти и тотчасъ парижская **аудиторія** наполнялась различными людьми, несущими feu sacre и вместо ряда **послѣдовательныхъ imparfaits du subjonctif** профессора, онъ слышалъ крики солдатъ, и выстрелы, и удаляющуюся канонаду сраженій, и **видѣлъ** выжженные поля, разрушенные дома, седого **почтеннаго** горожанина, убитаго **шальнымъ** снарядомъ у своего крыльца, въ маленькомъ и тихомъ городе, где до революціи не было, казалось, ничего, кроме **пастырянсовъ**, зимы, внуковъ, безконечной тяжбы въ местномъ суде, где все звали другъ друга по имени-отчеству и где не существовало незнакомыхъ. Тамъ было тихо, хорошо и скучно до той минуты, пока не вспыхнулъ

le feu sacré, неосторожно произносимый профессоромъ, < **уничтожившій** эту жизнь и **оставившій инья**, страшныя картины: корчившихся отъ ранъ людей, пылавшихъ **домовъ**, неподвижныхъ **висѣлицъ**, точно заботливо сохраненныхъ со временъ Пугачева, когда озаряемыя факелами **онѣ** медленно плыли по **теченію** Волги, грузно качаясь въ **темнотѣ исчезающаго**, смутнаго и страшнаго времени. И все-таки — каждый разъ Володя съ' силой произносилъ это слово — и все-таки, несмотря ни на что революція была лучшимъ, что онъ зналъ, и революція Россіи представлялась ему, какъ тяжелый **полетъ** громадной страны сквозь ледяной холодъ, и тьму и огонь. Но и девушка и профессоръ ничего не знали объ этомъ: они знали только искусственныя и **игрушечныя изображенія** войнъ и революцій, которыя изготовили въ спокойныхъ кабинетахъ смешные и немного **сумасшедшіе** ученые люди; **изображенія** состояли изъ аналогій и параллелей, **сравненій**, сопоставленій и **діаграммъ**, въ то время, какъ на самомъ **дѣлѣ** не было ни аналогій, ни **діаграммъ**, а была смерть и печаль и последнее человеческое — отчаянное или радостное — **изступленіе**.

Но Володя ни съ кемъ не могъ поделиться **этими мыслями**, потому что никто изъ присутствующихъ не зналъ ничего ни о революціи, ни о виселицахъ, ни о Пугачеве. Только Александръ Александровичъ, который тоже заметилъ Володю, могъ бы его понять. Когда **лекція** кончилась, Володя быстро подошелъ къ нему и лишь въ эту минуту понялъ, какъ онъ радъ его видеть.

— Александръ Александровичъ! Смотрю и глазамъ не верю.

Онъ крепко жаль руку **Александра** Александровича и громко говорилъ по-русски. Александръ Александровичъ не успевалъ ответить.

— Если бы вы знали, какъ я радъ! **Настоящій**, живой, **русскій Александръ** Александровичъ! А помните Севастополь и **Приморскій бульваръ**?

Володя почувствовалъ, пожавъ руку Александра Александровича, что есть **нѣчто неизмѣнившееся**, неспортившееся за эти девять летъ, и такъ же, какъ въ Севастополе, надъ безконечной перспективой Чернаго моря, открывшейся со скалы, на которой они сидели летними жаркими вечерами, здесь, въ Париже, за тысячи верстъ отъ этихъ **мѣстъ**, опять точно **севастопольскій** воздухъ **наполняетъ** грудь. И Александръ Александровичъ, отвечая на его **мысль**, сказалъ, проведя въ воздухе ломаную **линію**, все темъ же, давно знакомымъ, **движеніемъ**:

- - Помните, Володя, какъ изгибается бухта? И **какой** песокъ и густой южный цветъ листьевъ на деревьяхъ? И какая свобода! Это мы съ вами потеряли. А какъ вашъ братъ?

- - Женать, отецъ семейства, процветаетъ.

Они шли по бульвару **St-Michel**. Александръ Александровичъ рассказалъ, что онъ давно въ Париже, что онъ архитекторъ, что онъ кончилъ **Ecole des Beau-Arts**, — и пригласилъ Володю придти къ нему поздно вечеромъ.

И потомъ часто, не вечеромъ, а ночью, Володя **приходилъ** къ Александру Александровичу и начинались разговоры о неразрешимыхъ **вещахъ**, о невозможности жить иначе и о многомъ другомъ. Однажды Володя рассказалъ Александру Александровичу объ одномъ изъ своихъ первыхъ романовъ въ Константинополе, героиней котораго была гречанка, говорившая **по-англійски**, Мэри. Былъ блестящій подъ луной Босфоръ и ночное купанье, и после купанья — **турецкій** кофе.

— Обидно, — сказалъ Александръ Александровичъ.

— Обидно, что мы, въ сущности, рабы грубейшихъ, **несовершеннѣйшихъ** вещей. Я подумалъ объ этомъ, слушая **вашъ** рассказъ.

— Да, Александръ Александровичъ.

— Вотъ вы говорите — море, ночной воздухъ, тело, разсекающее воду, и еще, скажемъ, кофе и Мэри.

— Мэри и кофе, — Александръ Александровичъ.

— Мэри и кофе, если хотите. Но дело въ томъ, что вамъ двадцать **лѣтъ** и ваше тело — идеальный механизмъ. Поэтому вы влюблены и вы плывете въ лирическомъ океане: ваши **движенія** неутомимы, сильны и **равномѣрны**. Но вотъ происходитъ глупейшая вещь: у васъ заболѣваетъ селезенка, или печень или еще что-нибудь. Кроме этого, ничто, казалось бы, не изменилось. И вотъ, весь лиризмъ идетъ къ чорту и то, что было прекрасно вчера — и вообще прекрасно — становится скучнымъ и **ненужнымъ**.

Было тихо; Андрэ лежала на диване и внимательно слушала, съ трудомъ понимая русскую речь.

— И возникаетъ вопросъ, все тотъ же самый, попрежнему, кажется, неразрешимый: какова истинная ценность этихъ вещей и каково ея **постиженіе** вне селезенки? Я хочу **освобожденія**, Володя. Если бы **міръ** былъ организованъ **рационально...**

— Какъ *termitiere*?

— Какъ *termitiere*? почему непременно какъ **termitière**? Нетъ, нужно только правильное **распредѣленіе функций**. Нужны ученые и производители и не нужно этой ужасной, мучительной смеси. Полная свобода, вы понимаете?

— Понимаю. Гипертрофически развитая голова и хилое тело ученыхъ, чудовищныя тела производителей... Нетъ, Александръ Александровичъ, это было бы ужасно. И потомъ — что вы сделаете съ женщинами?

— Женщины настолько ближе насъ къ правильному **распредѣленію функций**, Володя. **Elles n'ont** que tres peu de **chemin** a faire.

— Александръ Александровичъ! А донна-Анна, а lady Hamilton?

— Володя, ведь это все **театръ**. Тяжелый занавесъ, огромныя декорации, тысячи глазъ, оркестръ и все остальное. Мы внушаемъ женщине сотни лѣтъ все **тѣ фантазіи**, по которымъ насъ ведетъ наше **вдохновеніе**; мы создаемъ ее тысячу разъ и она только следуетъ за нами въ нашемъ

лирическомъ **путешествіи**. Но ея вообще не **существуетъ**, это мы ее выдумали. Для чего — я не знаю; думаю, что ответъ на этотъ вопросъ лежитъ въ области **скорѣе физиологической**, онтологической, если хотите; **объясненіе** — въ эволюціи культурныхъ формъ, но во всякомъ **случае** это не есть **отдѣльно** существующее божество, это даже почти не индивидуальность.

— Я бы согласился съ вами, Александръ Александровичъ, если бы тому, что вы говорите, не могъ бы **противопоставить** неопровержимые доводы.

— **Какіе?**

— **Историческіе**, Александръ Александровичъ.

— Vouons, Володя, **вѣдь** эти вещи хрупки, какъ игрушки. Есть **исторія** — статистика; тогда она скучна и произвольна. Есть другая истор!я — это романъ, то-есть то же самое, что **поэзія**. Я говорю объ историческихъ **методахъ**, съ которыми мы **имѣемъ** дело. А **исторія** Рима, напримеръ, или вообще **исторія** античнаго **Міра**, это даже не статистика и не романъ, это опера, Володя. По крайней **мѣрѣ**, въ вашемъ и моемъ представлеши.

После первыхъ же парижскихъ разговоровъ съ Александромъ Александровичемъ Володя явственнее, чемъ когда бы то ни было, ощутилъ тревогу за этого человека. Александръ Александровичъ «душевно задыхался», какъ сказалъ Володя Николаю, рассказывая объ этихъ встречахъ. — Онъ слишкомъ чувствителенъ, **il n'a pas la peau assez dure**, — говорилъ Володя, — чтобы безболезненно перенести ту чудовищную нелепость, мерзость и **идиотизмъ**, которые составляютъ **условія** жизни почти каждаго современнаго человека, если онъ умеетъ думать. — Намъ ничего, а онъ не можетъ выдержать.

Володя неоднократно замечалъ, что дни, наиболее **запоминающіеся** и наиболее важные въ его жизни, таше всего не содержали никакихъ **событій**. Это бывали обычно прозрачные холодноватые дни весны или осени; каждый изъ нихъ былъ непохожъ на другой, каждый несъ съ со-

бой новую волну ветра, за которой открывался еще неизведанный, какъ казалось, просторъ. Казалось, что воздухъ долго былъ **неподвиженъ**, какъ давно остановившаяся жизнь; и вотъ, въ одну незабываемую минуту въ городе, на улице **происходилъ** точно незримый уходъ всего, что было дорого и нужно и близко; точно улетали птицы и за ними тянулся медленный, **клубящійся** вихрь уходящихъ чувствъ, **воспоминаній** и словъ, — какъ следъ воды за кормой **парохода**. Вотъ ушло одно, теперь уходитъ другое **и** кто знаетъ, въ какой стране, подъ какимъ чужимъ небомъ опять остановится это движеніе и все снова полетитъ внизъ, какъ листья?

— Летитъ саранча, — вспоминалъ Володя рассказъ Александра Александровича объ африканскомъ **путешествіи**, — и наталкивается на встречный ветеръ; и такое **впечатлѣніе**, точно она **встрѣчаетъ** стеклянную стену и падаетъ внизъ съ особеннымъ, сухимъ шорохомъ.

Александръ Александровичъ уже **третій** день лежалъ въ постели съ высокой температурой. Володя приходилъ **къ** нему каждый вечеръ. Белая комната Александра Александровича теперь стала особенно похожа на больничную палату — и, когда Володя подумалъ объ этомъ, онъ представилъ себе, что въ одинъ прекрасный день онъ можетъ войти и увидеть ставшее навсегда неподвижнымъ тело Александра Александровича.

Онъ шелъ по улице и вспоминалъ **вечерній вчерашній разговоръ**.

— Надо странствовать, Володя. Надо уйти, меня всегда **тянетъ**, всю жизнь. Но я не могу, я свалюсь на первомъ переходе, у меня **плохія легкія** и никуда негодное сердце. Вотъ вы, Володя, другое дело.

— Странствовать, — повторилъ теперь Володя. Онъ **представилъ** себе дорогу, поля, реки, города, безконечныя **россійскія** пространства, болота, леса, большаки и вотъ все то же тревожное **ощущеніе**, точно улетають птицы. — **Paris-Soir!** — **закричалъ** газетчикъ рядомъ съ Володей;

Володя **посмотрѣлъ** на него, не понимая. — Да, надо **уѣзжать**. Прохладный **вѣтеръ, дувшій** весь день, **внезапно** стихъ, воздухъ **сталъ тяжелѣе** и жарче; былъ конецъ **мая**, густо зеленели каштаны. Надъ деревьями высоко и **медленно** летело небо, белое облако покрывало конецъ его далекаго полукруга. Володя **посмотрѣлъ** наверхъ. Въ **Россіи** были **другія** облака — не **такія**, какъ здесь, — такъ же, какъ солнце, заходящее за огромный просторъ полей, **колоколень** и **лѣсовъ**. Какая загадочная вещь, какая же страшная, непостижимая сила разлилась въ моряхъ и рекахъ, вытянула изъ земли дубы и сосны и где начало и смыслъ этого **безвозвратнаго движенія**, этого воздуха, насыщеннаго тревогой, и этой глухой тяги внутри, немного ниже сердца?

— А можетъ быть потому, — **думалъ** Володя, **отвѣчая** самому себе на незаданный вопросъ, — что мне, въ сущности, почти нечего терять? Будто кто-то забылъ, что **мнѣ** тоже чужно дать непреодолимую любовь или **простое**, сердечное знаніе того, что это хорошо, а это плохо, — какъ у Николая. Но если есть нечто непреодолимое, то это воздушная стена, **отдѣляющая** меня отъ близкихъ и дорогихъ людей. Идутъ облака, летитъ ветеръ и **пригибаютъ** къ земле траву; течетъ река, длинныя **океанскія волны** шипятъ и катятся на **отлогій** берегъ, падаетъ **снѣгъ**. **Думитъ** лесъ, — и опять та же тоска, то же **сожалѣніе** о неизвестныхъ вещахъ.

— Странствовать, — продолжалъ онъ думать, — **или** **у** ехать или быть **обуреваемымъ** ослепляющей страстью — для того и только для того, чтобы не видеть, не понимать и забыть.

Опять поднялся ветеръ, **пролетѣлъ**, какъ **гигантская** невидимая птица и **исчезъ**, Володя подходилъ къ **Трокадеро**. Вотъ ав. du **Président Wilson**, последняя дорога, на которой закончилось земное **странствіе** доктора Штука; к **нѣ** больше никогда не увидитъ ни одной улицы ни въ

Париже, ни въ **Вънѣ**, какъ не увидить синихъ гязъ Викторш.

— Attention, ou je t'ecrase! — закричалъ необыкновенно знакомый голосъ. Володя поднялъ глаза. Сверкая на солнце стеклами, передъ нимъ остановился автомобиль Николая. — Вирджинш очень идетъ белое, — подумалъ **Володя**.

— Съ тебя мало одной автомобильной катастрофы, — свирепо кричалъ Николай, не удерживая улыбки, — лунатикъ несчастный! Куда ты идешь?

— Я гуляю.

— Садись къ намъ.

Солнце начинало опускаться. Николай ехалъ со своей обычной быстротой по незнакомымъ Володе улицамъ и вскоре выехалъ на широкую дорогу. — Route de Fontainebleau, — сказалъ онъ голосомъ гида. Автомобиль ускоришь ходъ. Володя посмотрелъ на счетчикъ; стрелка стояла, дрожа и колеблясь, на цифре девяносто шесть.

И тогда, проезжая мимо безшумно бегущихъ навстречу деревьевъ, Володя ясно почувствовалъ — въ одну необъяснимую секунду, — что этотъ **периодъ** его жизни конченъ, кончено еще одно **путешествие**. И глубокимъ вечеромъ, на обратномъ пути, онъ смотрелъ уже невольно чужими глазами на улицы и дома Парижа, точно это были не настоянныя **каменныя зданія**, а **нѣчто** зыбкое и исчезающее въ темноте, нечто, уже сейчасъ, **сію** минуту, безвозвратно уходящее въ **воспоминаніе**.

.....

Тотъ романъ Володи, о которомъ говорилъ Николай въ начале своей речи по поводу пикника, давно уже лежалъ въ ящике письменнаго стола и Володя къ нему не притрагивался. Главной причиной этого было то, что въ **послѣдній** вечеръ, когда онъ пытался писать, произошла

его *avonture*, — какъ сказала бы Одэтть, — съ **Жерменой** и это теперь было такъ тесно связано, Жермена и романъ, что **Володе** было **непріятно** прикасаться къ **рукописи**; и нуженъ былъ особенный толчекъ, чтобы ему снова захотѣлось писать. У него вообще было чувство, что онъ живетъ не собственными **желаніями** и почти не собственной волей; онъ попадалъ въ полосу **тѣхъ** или иныхъ **ощущеній** и, лишь когда они проходили, онъ освобождался на короткое время отъ нихъ, чтобы потомъ опять быть подчиненнымъ какимъ-то незримымъ и внешнимъ **вліяніямъ**. Но какъ это ни казалось странно и неправдоподобно, та самая *aventure* съ Жерменой, которая **мѣшала** ему писать романъ, — такъ, точно ему было **совѣстно** передъ собой **и тѣмъ**, что написано, — она же вдругъ освободила его отъ груза печальныхъ мыслей; она точно напомнила ему, что онъ молодъ и здоровъ и, въ сущности, ничто не **мѣшаетъ** ему быть **счастливымъ**, кроме отвлеченныхъ и, въ конце концовъ, можетъ быть, несущественныхъ вещей. **И** теперь ему не нужно было писать, — онъ не чувствовалъ себя ни слишкомъ счастливымъ, ни несчастнымъ, — и не было толчка, до **тѣхъ** поръ, покуда однажды вечеромъ, — и опять Николай и **Вирджинія** были въ театре, — Володя, проходя подъ окнами квартиры Артура не увидель сидящую спиной къ улице **Викторію** и пока изъ **открытаго** окна, изъ обычно печальнаго рояля Артура, не послышалась стремительная и гремящая музыка, совершенно непохожая на то, что обычно игралъ Артуръ. Володя уходилъ, оборачиваясь, и музыка все гремела вслѣдъ ему, все возвращалась, — и потомъ, уже отойдя далеко, онъ все повторялъ про себя этотъ шумный, какъ **міръ**, музыкальный рассказъ.

И тогда все, что онъ зналъ печальнаго и **нехорошаго**, скрылось и исчезло; и жизнь вдругъ представилась ему, какъ неустойчивый **лирическій** потокъ. — Только движете, только полеть, только счастливое **ощущеніе** этой перемещающейся массы мускуловъ и чувствъ. Не думать,

не останавливаться, не оборачиваться, не жалеть. И такъ ночь напролетъ — и потомъ утро, и розовый восходъ и сверкающая роса на утомленной **травѣ**.

Онъ вошелъ въ квартиру, было темно; **наверху**, на **слѣдней** ступени лестницы, сидела Жермена. Володя поднялъ ее на руки. — Не думать, не жалеть...

Онъ проснулся въ пять часовъ утра, налилъ себе холоднаго кофе безъ сахара, закурилъ папиросу и, набросивъ купальный халатъ, селъ писать, — объ Италіи и о всемъ, что казалось ему самымъ прекраснымъ въ огромномъ Мирѣ разнообразныхъ вещей, — и это было, въ сущности, лишь **продолженіемъ**, вечерней музыкой Артура, теломъ Жермены, словомъ «напролетъ» — все темъ же **неудержимымъ движеніемъ**.

Свой романъ Володя писалъ уже несколько **лѣтъ**, обрывая и начиная снова и заменяя одне главы другими. Въ романъ входило все или **почти все**, о чемъ думалъ Володя, — исправленные и **представленные** не такъ, какъ они были, а какъ ему хотелось бы, чтобы они произошли, — многа **событія** его жизни; рассказы обо всемъ, что онъ любилъ, — охоты, моря, льды, собаки, государственные люди, женщины, **разлівы** рекъ, **апрѣльскіе** вечера и выпадетѣ атмосферныхъ осадковъ, какъ **иронически** говорилъ самъ Володя, и первыя, ранней весной **зацвѣтающія** деревья. Но несмотря на такое **обиліе матеріала** и на широту темы, которая не ограничивала Володю ничемъ, романъ получался значительно хуже, чемъ долженъ былъ бы получаться. То, что Володя думалъ изобразить и что въ его представленіи было очень сильно, вещи, которыя онъ ясно видѣлъ прекрасными или печальными, умершими или увядающими, въ его описаніи тускнели и почти исчезали и ему удавалось лишь изредка выразить въ одной главѣ едва ли десятую часть того, что онъ такъ хорошо **понималъ** и видѣлъ и сущность чего, какъ ему казалось, онъ такъ прекрасно понималъ. Онъ замечалъ тогда, что полнота **впечатлѣнія** создается почти **ирраціональнымъ** зву-

чаніемъ словъ, удачно удержаннымъ и **необъяснимымъ** ритмомъ **повѣствованія**, такъ, какъ если бы все, что написано, нельзя было рассказать, но что шло между словами, какъ незримое, протекающее здесь, въ этой книге, **человѣческое существованіе**. Но когда онъ пытался писать такъ, почти не обращая **вниманія** на построенія фразъ, все **слѣдя** за этимъ ритмомъ и **этимъ** ирраціональнымъ музыкальнымъ **движеніемъ**, рассказъ становился **тяжелымъ** и бессмысленнымъ. Тогда онъ принимался за тщательную отделку текста и выходило, что на его страницахъ появлялись удачныя **сравненія**, **анекдотическія мѣста** и оне становились похожими на ту среднюю французскую прозу, которую онъ всегда находилъ невыносимо фальшивой. И лишь въ **рѣдкіе** часы, когда онъ не думалъ, какъ нужно писать и что нужно делать, когда онъ писалъ почти что съ закрытыми глазами, не думая и не останавливаясь, ему удавалось, съ помощью несколькихъ случайныхъ словъ выразить то, что онъ хотеть; и, перечитывая **нѣкоторыя время** спустя эти страницы, онъ отчетливо вспоминалъ **те ощущенія**, которыя вызвали ихъ и сохранили вопреки закону **забвенія** ихъ неувыдаемую и иллюзорную жизнь. Такъ было и на этотъ разъ — и позже, читая **описанія** Италш, онъ виделъ все, что имъ предшествовало, — где музыка и Жермена и мечты сливались въ одно **соединеніе**, счастливая сложность котораго все углублялась и углублялась со временемъ.

.....

Въ день пикника **Викторія** проснулась на полчаса раньше Артура и когда онъ открылъ глаза, она стояла надъ **нимъ**, совершенно готовая. — Скорей, Артуръ! Онъ поцеловалъ ей руку и пошелъ въ ванную. Черезъ несколько минутъ внизу рявкнулъ клаксонъ автомобиля и несколько **голосовъ** закричало:

— Артуръ! Артуръ! Артуръ! — Артуръ быстро сиу-

стился вниз и увидель два автомобиля. Въ первомъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, сидели **Вирджинія**, Николай и Володя. Второй автомобиль оказался такси, нагруженнымъ до отказа всевозможными пакетами, коробками и корзинами, сквозь которые, какъ сказалъ Николай, можно было «разглядеть» Одэтть и Сережу. После короткаго разговора Одэтть пересадили въ автомобиль Артура и Сережа остался одинъ.

— Николай! закричалъ онъ, — помни-же, что я тебе говорилъ: не гони, какъ **сумасшедшій**. Не забывай о про*дуктахъ, а то изъ нихъ каша получится. Ты слышишь, Николай? Но автомобили уже двинулись и сердитый голосъ Сережи былъ плохо слышенъ. Каждая пять минутъ Сережа говорилъ шофферу:

— **Vouslez-vous** corner, pour que cos **imbéciles** marchent un **peu moins** vite.

Одэтть смотрела на дорогу и чувствовала себя непривычно и неловко: впервые въ жизни она совершала автомобильную поездку*, — и все было, какъ всегда, ветеръ, шумъ мотора и шинъ и уходящая, серо-желтая полоса дороги и въ конце этого **путешествія** не должно было произойти решительно ничего, даже никакой *aventure* *Route de Fontainebleau*! Одэтть знала все ея повороты и все места, черезъ которыя она проходила, знала ея прямую, уходящую перспективу, какъ бесконечно длинную спину мчащагося чудовища, деревья, **растущія** по бокамъ, запахъ весенняго поля, — и она погружалась въ привычное и давно известное **состояніе**, которое наполовину было заполнено этими **впечатлѣніями**, наполовину же **ожиданіемъ** того, что было такъ же непреложно и несомненно, какъ дорога; это было тоже **путешествіе**, только более сладостное; и какъ было очевидно, что **выѣхавъ** изъ *Porte d'Italie* и сделавъ пятьдесятъ пять километровъ, автомобиль **въѣзжалъ** въ **Фонтэнбло**, такъ же было очевидно, что если Одэтть ехала въ Фонтэнбло, то поездка ея должна была кончиться именно такъ, а не **иначе**. И вотъ

вдругъ, теперь вся привычная прелесть ея **ощущеній** была нарушена. И хотя Одэттъ не признавалась **себѣ** въ **этомъ**, ей было неловко и даже **непріятно**.

Она **посмотрѣла** на Артура: онъ держаль руль одной рукой, на немъ была белая рубашка безъ рукавовъ; **Викторія** рядомъ съ нимъ казалась тоненькой и маленькой, хотя была высокаго роста и въ последнее время чуть-чуть пополнила. Одэттъ съ досадой перевела глаза на **передній** автомобиль и увидела три одинаково белыхъ спины — Вирджиніш, Володи и Николая. Потомъ она закрыла глаза и перестала думать о чемъ бы то ни было; и ветеръ биль ей въ глаза.

— Видишь эти поля? — говорилъ Артуръ Викторш.

— Да. А какое место въ **мірѣ** тебе больше всего нравится?

— Не знаю, — сказалъ Артуръ. — Въ Англиш есть удивительныя места. Въ Россіи тоже. Нетъ, пожалуй, въ Россіи лучше всего. Безконечнее.

— И нетъ ни одного места, которое ты предпочиталъ бы **другимъ**?

— Oh, si, Викторія. Дунай и окрестности Вены, — это самое лучшее место въ Міре.

— А я предпочитаю Тироль.

Чаще всего Артуръ и **Викторія**, когда бывали вдвоемъ, говорили по-немецки; и въ этихъ разговорахъ, где **все** выражалось **интонаціями**, было, **въ сущности**, неважно, на какомъ языке говорить. Это было **продолженіемъ** перваго **объясненія**, внесмысловымъ, почти внесловеснымъ и которое можно было бы выразить, — если непременно искать одну речевую формулу, — въ несколькихъ короткихъ и небольшихъ словахъ, которыя одинаково могли значить въ одномъ случае очень мало, въ другомъ безконечно много, — предшествуемья и следуемья двумя человеческими жизнями съ теряющейя во времени сложностью **впечатлѣній**, ощущешій, желашій и сновъ; но это были бы одни и **тѣ** же, сами по себе почти несуществую-

щія слова. И потому со стороны могло казаться удивительнымъ, что Артуръ и **Викторія** были способны часами говорить ни о чемъ.

Доехавъ до **вокзала** Фонтэнбло, Николай обернулся, **убѣдился**, что оба автомобиля **слѣдуютъ** за **нимъ**, **свернули** вправо и **поѣхалъ** по узкой дороге, уходившей отъ Фонтэнбло въ сторону. Она изгибалась, то поднимаясь въ гору, то опускаясь, то следуя за **теченіемъ** реки, то **удаляясь** отъ ея береговъ; потомъ, после еще одного **поворота**, Николай **сѣхалъ** съ дороги и остановилъ автомобиль на опушке леса. Внезапно **поднявшійся** и **тотчасъ утихшій** ветеръ прошумелъ въ высокихъ деревьяхъ.

Черезъ минуту подъехалъ автомобиль Сережи. Было девять часовъ утра. Николай повелъ всехъ осматривать местность.

Они шли сначала **краснымъ сосновымъ** лесомъ, **сѣхимъ** и **звонкимъ**; солнце освещало громадные камни, покрытые налетомъ светлаго песка и которые были, какъ **сказалъ** Николай, **«повидимому геологическаго происхожденія»**. Потомъ начался лиственный лесъ, **темнѣющій**, более густой; въ глубине оврага кричала неизвестная птица, они шли уже минутъ сорокъ и вдругъ сквозь **деревья** сверкнула **рѣка**.

— Кто не умеетъ плавать? — спросилъ Николай. Не умеющихъ плавать не оказалось. — А кто со мной **идетъ** за лодкой? — Я, — сказала **Викторія**. — И черезъ десять минутъ голосъ Николая кричалъ съ реки:

— Идите сюда!

Они доехали до небольшого острова на середине реки, разделись за кустами и вышли уже въ купальныхъ костюмахъ.

— Берегъ обрывистый, — сказалъ Николай, — сразу глубоко. Кто скорее доплыветъ до того берега? Я считаю: разъ, два, три!

Шесть телъ одновременно бросились въ воду и на берегу остался только Володя и белый песъ Артура, не успе-

вѣшій понять, въ чемъ дело. — Томъ! — крикнула **Викторія** и пѣсь съ лаемъ прыгнулъ въ рѣку. Володя остался **одинъ**. — **Володька**, трусъ! — кричалъ Николай. — Дисквалифицирую!

Первой отстала Одэттъ, второй Вирджшя, **затѣмъ** стали отставать Сережа. Только Николай, **Викторія** и Артуръ плыли рядомъ. — Дьяволь! — сказали по-русски Николай Артуру, — неужели насъ эта **дѣвченка** обставитъ? Онъ дернулся впередъ и, когда **Викторія** спохватилась, было уже слишкомъ поздно. — Артуръ, отомсти! — сказала она, Артуръ послушно улыбнулся и тотчасъ же его громадное **тѣло** совершило нечто вроде непостижимаго прыжка по воде. Казалось, что онъ не делалъ **усилій**, точно скользя по воде, поднимая пену и стремительно подвигаясь впередъ. Онъ **догналъ** Николая, однако въ самую последнюю секунду, они одновременно схватились за ветку дерева, свисавшую надъ водой.

А Володя все стоялъ на берегу и смотрѣлъ. — Онъ умеетъ плавать? — **спросилъ** Артуръ. — Какъ собака, — отвѣтилъ Николай. Въ это время тело Володи наконецъ отделилось отъ берега. — Решился братишка, — сказали Николай.

Володя долго плылъ **подъ** водой, потомъ вынырнулъ и направился къ берегу. Въ эти минуты онъ былъ совершенно счастливъ. Крупная рыба пугливо метнулась въ сторону отъ его тела, онъ нырнулъ за ней, но она уже исчезла. — Ахъ, какъ замечательно! — повторялъ онъ. Онъ все пырлялъ и плылъ вниз, открывъ глаза и видя светлеющую къ поверхности воду, потомъ поднимался наверхъ — и **наверху** было **горячее** сверкаше солнца. И такъ далеки отъ него, такъ чужды **ему сейчасъ** были **все обычные** его мысли и **ощущенія**; **мръ** былъ океаномъ упругимъ, холоднымъ и влажнымъ; **мръ** былъ этимъ **движеніемъ** въ воде и все остальное не существовало.

Потомъ Николай, **Викторія**, Одэттъ и Сережа ушли въ лесъ. На берегу остались Артуръ и Володя. Голова Вирд-

жижи то показывалась, то скрывалась на середине реки. Володя лежалъ на животе, жуя длинный стебель травы и ни о чемъ не думая. Артуръ, закинувъ руки за голову, подставлялъ **солнечнымъ** лучамъ свое мокрое и **блѣдное** лицо съ закрытыми глазами.

Все было тихо, вода плескалась о берегъ. Вдругъ пронзительный крикъ съ середины реки донесся до берега. **Вирджинія** появилась надъ водой, потомъ исчезла, неловко и отчаянно взмахнувъ рукой. — Она **тонетъ**, — **успѣлъ** сказать Володя и тотчасъ услышалъ тяжелый всплескъ воды. Володя понялъ все это только тогда, когда поплылъ **вслѣдъ** за Артуромъ къ тому месту, **гдѣ** за секунду до этого показалась голова **Вирджиніи**.

Володя плавалъ очень хорошо и это было для него такъ же легко и естественно, какъ дышать или ходить. Онъ никогда не уставалъ, нырялъ на дно въ самыхъ **глубокихъ** местахъ и, когда было нужно, могъ плыть съ необыкновенной быстротой. Но если бы въ ту минуту онъ могъ наблюдать и сравнивать, онъ **убѣдился** бы въ громадномъ атлетическомъ превосходствѣ Артура, который съ каждой секундой все дальше оставлялъ его за собой. Опять, уже **совсѣмъ** близко, показалась голова Вирджиніи; резиновый чепчикъ она потеряла и светлые ея волосы быстро ушли подъ воду. Володя нырнулъ и увидель два тела на большой глубине, почти у самого дна. Онъ поднялся наверхъ; Артуръ, глубоко погрузившись, — видно было только его лицо, — плылъ на спине, держа на груди Вирджинію, которая всхлипывала и задыхалась. Володя подплылъ вплотную. — A la brasse, Володя, 'a la brasse, — сказалъ Артуръ. Володя поплылъ 'a la brasse, Артуръ **тоже, Вирджинія** лежала на воде, положивъ руки на ихъ плечи.

— Слава Богу, все **кончилось**, — сказалъ Артуръ. — Вы прекрасная утопленница.

— ...Что... значить... прекрасная... утопленница? — прерывисто спросила **Вирджинія**.

— Это значить, что вамъ легко помогать и что вы хорошо себя ведете, — объяснилъ Артуръ. — Я однажды вытаскивалъ изъ воды одну старую англичанку, она расцарапала **мнѣ** лицо и укусила меня за руку, и въ моихъ интересахъ было бы держаться какъ можно дальше отъ нея, но это было невозможно, такъ какъ тогда она утонула бы. Потомъ уже, придя въ себя окончательно, она написала **мнѣ** письмо съ благодарностью и **приглашеніемъ** придти къ ней въ гости. Но я былъ такъ напуганъ, что не пошелъ.

— А я думаю, — сказалъ Володя, пуская ртомъ звучные пузыри по воде, — что все могло быть гораздо хуже. Представьте себе, Вирджишя, что вы бы тонули и не **умели** плавать; и что кроме того, Артуръ не былъ бы такимъ **Геркулесомъ** и тоже не умелъ бы плавать и я тоже. Это было бы действительно грустно. Хоронили бы васъ на **англійскомъ** кладбище, мы бы пришли въ траурныхъ костюмахъ и Николаю, наверное, было бы очень скучно. А могли бы еще и **тѣла** не найти.

— А я думаю, — сказала окончательно оправившаяся Вирджишя, — что было бы, если бы мой **beau-frère** Володя былъ не **глупымъ**, а умнымъ? Это невозможно себе представить.

- - **Всѣ знаютъ**, что вы завидуете моему уму и элегантности, — хладнокровно сказалъ Володя.

— Николаю ни слова, — сказала Вирджишя.

— Подчиняюсь, — **отвѣтилъ** Артуръ.

— А я нетъ, — сказалъ Володя. — Зачемъ я буду лгать? Сначала публично признайте, что я очень уменъ.

.....

Нѣсколько оживившаяся Одэтъ спросила Сережу:

— Скажите, мэтръ, у васъ еще остался ромъ?

— Вы могли въ этомъ сомневаться?

— **Ma foi, on ne sait jamais.**

— Если бы вы лучше меня знали, вы бы не сделали такого **предположенія**, — сказалъ Сережа. Въ Сережиномъ

запасе было еще около двухъ литровъ рома — на всякій случай.

— Я бы хотела одну рюмку.

— Mais **ordonnez**, Madame.

Она выпила однако почти стаканъ и заставила выпить Сережу. Ей сразу стало тепло и **пріятно**.

— Оторваться отъ **консоммаци** ты не можешь, — сказала Николай, проходя мимо, — и еще эту **бѣдную** женщину накачивашь, **совѣсти** у тебя **нѣтъ**.

— Не твоя печаль, Коленька, —* **отвѣтилъ** Сережа.

бнъ поднялся и пошелъ съ Одэттъ **вслѣдъ** за другими. — Они идутъ слишкомъ быстро, — сказала Одэттъ.

— Я тоже нахожу, что быстро/ Вы знаете, после **еды** необходимъ рядъ медленныхъ **движеній**.

— Рядъ медленныхъ **движеній**, — повторила Одэттъ и засмеялась. — **Non, mais** vous **êtes fou!**

Они отставали все больше и **больше**. **Лѣсъ** росъ вокругъ нихъ и казался безконечнымъ, **тихій** ветеръ плескался въ деревьяхъ. Желтый хвостъ **белки** мелькнулъ и скрылся вверху. Сережа вспомнилъ единственный литературный **разговоръ**, который у него былъ съ Володей, — когда Володя говорилъ ему:

— Да, я понимаю, для васъ существуетъ только чувственная прелесть **Мира**.

— Чувственная прелесть **Мира...** — думалъ теперь Сережа. Онъ держалъ подъ руку Одэттъ; на ней было легкое платье, подъ нимъ купальный костюмъ. Деревья были безчисленны, воздухъ почти **безмолвенъ**. Чувственная прелесть **Мира...** — Le **charme** sensuel du **monde**, — пробормоталъ онъ по-французски.

— Vous en savez quelque chose? — спросила Одэттъ голосомъ, который вдругъ сталъ далекимъ.

Сережа наконецъ понялъ. Онъ могъ **бы** понять это давно, Одэттъ удивлялась медленности его рефлексовъ и **приписывала** это его славянской **лѣни**. И понявъ, онъ **приблизилъ** къ себе ея изменившееся лицо съ полураскры-

тыми губами. Одэттъ была совершенно довольна: еще разъ дорога, еще разъ route **de** Fontainebleau не обманула ея **ожиданій**.

Это былъ безконечный, **сверкающій** день неустаннаго солнечнаго блеска, множества легкихъ запаховъ **лѣтней** благодатной земли, **смѣнявшихся** деревьевъ, **крѣпкихъ** зеленыхъ листьевъ, лепетавшихъ **подъ** ветромъ; и Володе казалось, что это слишкомъ прекрасно и не можетъ продолжаться; но солнце все такъ же скользило въ далекой синеве, все такъ же летель ветеръ и шумели деревья и все это безконечно длилось и двигалось вокругъ него. Они прошли много километровъ, поднимались и спускались по **теченію** реки; были на острове, точно занесенномъ сюда изъ **дѣтскихъ** немецкихъ сказокъ, — съ омутомъ и стрекозами и громадными желтыми цветами; было такъ тихо на этомъ острове, что Володе казалось, — слышно, какъ звенить раскаленный солнечный воздухъ отъ быстрого **дрожанія** синевато-прозрачныхъ крыльевъ **стрекозъ**.

.....

Поездъ отошелъ въ одиннадцать **часовъ** вечера. Весь день было облачно и душно; въ часъ отъезда шель сильный дождь. Въ домахъ парижскихъ пригородовъ кое-где горели огни и въ пролетавшихъ освещенныхъ окнахъ скрывались столы, люстры, **широкія** кровати и головы **людей**, которыхъ нельзя была успеть рассмотреть. Володя **стоялъ** у открытаго окна и думалъ сразу о многихъ вещахъ; и такъ же, какъ нельзя было рассмотреть **человѣческихкія** лица **въ** квартирахъ, такъ нельзя было остановиться на какой-нибудь одной мысли, — оне сливались и исчезали вместе съ шумомъ поезда. Но вотъ уже эхо, отражавшееся какъ **бѣгущій** светъ на стенахъ **зданій**, **заборахъ**, **ангарахъ** и **пакгаузахъ**, стало стихать, показались темныя пространства полей; и **вмѣстѣ** съ **уменьшеніемъ**

этого шума, все **мѣшавшаго** Володе сосредоточиться, все стало тише и **медленнѣе**.

Четверть часа тому назадъ Парижъ такъ же ушелъ отъ него, какъ передъ этимъ уходили **Вѣна**, Прага, Константинополь. Было нечто похожее на провалъ въ самую далекую глубину памяти въ этомъ быстромъ и безмолвномъ **поглощеніи** тьмой громадныхъ городовъ, тонущихъ въ уходящей ночи. Казалось **невѣроятнымъ**, что въ эту минуту, когда онъ находится здесь, на **кушеткѣ** вагона, идущаго со скоростью семидесяти километровъ въ часъ, тамъ, въ **Парижѣ**, неподвижно стоятъ деревья, бульвары, улицы, дома; и все повторялось привычное **видѣніе** того, какъ однажды, въ смертельномъ и чудовищномъ **снѣ** вдругъ сдвинется и поплыветъ съ последнимъ грохотомъ вся громадная каменная масса, увлекая за собой **милліоны** человеческихъ существовацій.

Уже съ того вечера, когда автомобиль Николая чуть не наехалъ на него, Володя зналъ, что еще немного, можетъ быть несколько дней и опять будетъ поездъ или пароходъ, вокзалы, пристани, особенно и непохоже ни на что **звучащіе** голоса на ночныхъ остановкахъ и все та же, поездная, проезжая жизнь, где нетъ ни **привязанности**, ни любви, ни потерь, ни обязательствъ, — только **воспоминанія** и поезда. Не все ли равно, куда ехать? На этотъ разъ онъ долженъ **былъ** остановиться въ **Александріи**, Каире и Багдаде, где находились **отдѣленія автомобильнаго** агентства Николая. Поездка должна была занять несколько месяцевъ; что произойдетъ потомъ, Володя не зналъ.

Его провожали на вокзалъ **Вирджинія**, Николай, Артуръ и **Викторія**. Володя махалъ имъ платкомъ, все было, какъ полагается при всехъ отъездахъ. Одного только Александра Александровича Володе не пришлось повидать; когда после пикника онъ пришелъ къ нему на квартиру, ему сказали, что Александръ Александровичъ уехалъ на югъ. Повидимому, решеше это было принято внезапно и Володю даже не успели **предупредить**.

Послѣдній день онъ провелъ въ хлопотахъ о визе, въ поездкахъ по консульствамъ, въ покупкахъ и вернулся домой только къ **обѣду**. Николай передалъ ему три **письма**, — Володя сунулъ ихъ въ карманъ, не читая. Теперь онъ вспомнилъ, о нихъ распечаталъ первое, почти не глядя на конвертъ, прочелъ несколько строкъ, — и вдругъ **непоправимая смертельная тоска** остановила его.

— «Мой дорогой другъ, — писала Андрэ, — Александра больше нетъ. Онъ умеръ вчера отъ **кровоизліянія** въ **легкихъ** и я не могу Вамъ сказать, какая это безмерная потеря...»

— Александръ Александровичъ! — Володя повторялъ эти слова, не будучи въ состояніи что-либо другое сказать или подумать, потому что не оставалось ничего, ни мыслей ни **воспоминаній**, только **слезы** и **задыхающееся сожалѣніе** объ этомъ последнемъ **путешествіи**, сквозь которое сейчасъ проходилъ поездъ, гремя и исчезая навсегда въ стремительно несущейся тьме.

Конецъ.

Гайто **Газдановъ**.